

Пример 5. Хоровое причитание «Воля».

Ой, по - кри - чи - м(ы)-те - ка, ой, по - кри - чи - м(ы)-те - ка во - л(и)-ну - ю во - люш - ку.

Ой, покричим(ы)-те ка, ой, покричим(ы)те-ка вол(и)нную волюшку.

Ой, куда волюшка, ой, куда волюшка потерялась

Ой, в грязи грязнаю, ой, в грязи грязнаю умывалася,

Ой, в шелковой травушки, ой, в шелковой травушки заплелаася

Архив ФЭЦ СПбГК, ОАФ № 4163-17. Псковская обл., Плюсский р-н., д. Староверский Луг. Исп.: Николаева В. М., 1913 г.р., Карпова Ф. М., 1915 г.р. Зап.: Полякова А. В., Мехнечова К. А., 29.01.1994. Расш.: Пархомова Е. А.

С. В. Балуевская, г. Вологда

Похоронные и поминальные причитания

Нюксенского района Вологодской области: специфика исполнения

Сфера исполнительства является важной составляющей народной традиционной культуры. Именно она определяет жизнь фольклорных явлений, обеспечивает сохранение и передачу народных знаний.

Проблематика фольклорного исполнительства обусловлена его спецификой. Фольклорные тексты имеют дискретный характер бытования, хранятся в памяти носителей культуры, актуализируясь лишь в необходимый момент ритуальной практики, при этом исполнители становятся непосредственными трансляторами художественных знаний, а слушатели – их восприемниками и, в последующем, носителями. Такой механизм и обеспечивает «выживание» всей фольклорной традиции.

Каждый исполнительский акт предполагает воспроизведение всего комплекса художественных, контекстуальных и функциональных составляющих, что обусловлено необходимостью достижения позитивного результата.

В системе похоронно-поминальной обрядности ведущим жанром становятся причитания, выполняющие важные ритуально-магические, апотропейские, коммуникативные, социальные и иные функции. Посредством причитаний как формы художественной коммуникации устанавливаются, упорядочиваются, утверждаются традиционные нормы взаимоотношения живых и умерших представителей семейно-родового коллектива.

Исполнительская специфика причитаний обусловлена в значительной мере художественными дарованиями, личностными качествами причитальщицы, ее опытом и мастерством. Согласно замечаниям составителя первого полнотекстового сборника северно-русских причитаний Елпидифора Василь-

евича Барсова, «достоинство вопленицы в зависимости от ее дарований состоит:

- 1) в умении освоить как можно больше старых словес, старых образов, выражений и оборотов;
- 2) в умении понять окружающую обстановку и область действительной жизни;
- 3) в умении овладеть хором и слушателями, а послушать вопленицу собираются иногда целые деревни;
- 4) и, наконец, в построении стихов более или менее правильных» [1, с. 274].

В данном высказывании выделяются не только «личные дарования» причитальщицы, ее исполнительский талант, но и умение создавать причетные тексты, передать в необходимой художественной форме содержательный план происходящего события.

При воссоздании причетных текстов исполнителями также учитывается гендерная, возрастная, семейно-родовая и социальная принадлежность умершего.

Предметом настоящего рассмотрения являются похоронные и поминальные причитания Нюксенского района Вологодской области, зафиксированные в ходе полевых исследований Лаборатории народного музыкального творчества Вологодского государственного педагогического института (ныне – это Центр традиционной народной культуры Вологодского государственного университета) в 1986-2004 годах (научный руководитель – Г. П. Парадовская). Экспедиции 1987 и 1989 годов проводились совместно с Ленинградской (ныне – Санкт-Петербургской) государственной консерваторией им. Н. А. Римского-Корсакова под научным руководством А. М. Мехнечова. С 1992 года в полевых исследованиях принимали участие представители Центра традиционной народной культуры села Нюксеницы.

Всего на изучаемой территории записано порядка 200 текстов и около 50 напевов похоронных и поминальных причитаний, представляющих локальные традиции сольных причитаний бобровско-востровской, городищенско-брусенской, уфтуогской местности Нюксенского района.

Количественный состав причитающих в одной обрядовой ситуации может варьироваться от одного до нескольких человек, при этом, как отмечают деревенские жители, каждый исполнитель причитает «своё», высказывает «своё горе» либо в порядке очередности («друг по-за дружке»), либо одновременно с другими: «Старухи-те ведь причитали и в три, да и в чётыре голоса – кто чёвó мóжёт сказать, а тут не розберёшь»

(Брусноволовский, Кокуево, 454-09)¹; «И вдвоём причитают, и втроём причитают. <...> У ковó гóрё, дак хоть и впýтере причитай – хорóняёшь, может, ковó-то такóво, што жалко всем, дак и причитай хоть сколько голосов» (Нюксенский, Нюксеница, 1634-51); «Когда везут дак, конечно, уж тут-то все, все ревýт – тут все, все-все, все-все! И каждый своё, каждый своё, каждый своё гóрё выклáдываёт» (Нюксенский, Нюксеница, 472-22).

Исполнительская ситуация похоронной обрядности соотносится с ритуалами поминовения, когда около одной могилы одномоментно также могут причитать несколько причитальщиц: «Все-ти: мóжёт одна поприцитáэт, другая подходит прицитáэт – а ведь свои-ти, ведь хто свои ведь, támoka уж родные-те дак, а ведь цюжíе не пойдут прицитáть, а хто свои-те támoka уж, мóжёт, сёстры ли...» (Уфтугский, Мальчевская, 1273-52); «Мы пришли на клáдбишшё-то да, со свекровкой да: свекровка с ту сторону на крёст, а я с другую сторону, дак и заревели» (Уфтугский, Кокшенская, 1422-32).

Упоминается и о возможном совместном исполнении причитаний на один текстовый вариант, что возможно лишь в случае достаточно близких родственных отношений причитальщиц: «И эдак бываёт. Это мы уж с ёй, мы с ёй спéлисё. Уж эво мы этта вмýсьтё тутокá причитали дак. <...> Старухи-те ведь причитали и в три да и в чéтыре голоса – хто чéвó мóжёт сказать, а тут не розберёшь. <...> И эдак, и кáжной по отдельности, причитали и эдак, што кáжный по отдельности – и врóзь» (Брусноволовский, Кокуево, 454-09).

Плачевые формы в зависимости от степени выраженности эмоционально-обрядового состояния исполнителей получают следующие глагольные дефиниции:

- «причитать», «напричитывать»: «Ой, наприцитáют дак всяко по-кóйнику-ту!» (Уфтугский, Мальчевская, 1273-52); «А как заприцитáэшь, дак и все и заревут» (Востровский, Вострое, 1638-28);
- «реветь»: «взóхала да заревела, да и заревела, сáмо по себе оно тут насобираётце цевó ревíть-то в горе-то» (Уфтугский, Кокшенская, 1422-32); «когда на лавку повалýт, дак и поревýт» (Нюксеница, 1272-57); «На кл'áдбишшо пришл'á и заревéл'a» (Востровский, Вострое, 1638-23); «Да на крыльцé ишчё ревíли. Дак много-то знали, дак(ы) на крыльцé ревíли утráм да и вециерáм, да выйдут и заревýт, как останутце-то» (Уфтугский, Пожарище, 2443-04);
- «выть», «муря́вкать»: «эдак ревела-то, муря́вкала» (Уфтугский, Кокшенская, 1422-35).

¹ Здесь и далее в скобках указывается место записи информации (сельсовет, деревня) на территории Нюксенского района Вологодской области, а также номер единицы хранения фольклорно-этнографических материалов в архиве экспедиционного аудиофонда Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного университета.

«Мурявканье» представляет крайнюю степень выражения горя и определяется как ненормативное, опасное состояние причитающего: «А мать, дак та замуря́вкаёт небаским гóл'осом, как я сеця́с, прихрёплеёт – она уж, от горято уж она не мóжёт» (Востровский, Востroe, 1638-33). «А как в послéдней-от путь, да больше не увидишь-то – ой! А мама умерл'á, дак я думаю – заревúся!» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632-06).

Деревенские жители сравнивают акустический ряд причитаний с природным звуковым полем – с воем животных: «тут как собаки воют» (Бобровский, Бобровское, 1839-10); «Причитают, как вóйки ревят, кто как сумиёт. Там ведь не одно тóжко, скáжём, она шчё причитáэт, то и я: она своё причитáэт, да я своё, да и вы – своё, дак тут как вóйки ревят да собаки лают!» (Брусенский, Брусенец, 456-17).

У слушателей похоронных и поминальных причитаний, согласно воспоминаниям деревенских жителей, возникают особые ощущения – «даже кожу обдираёт, неудобно»: «Онé на машине, скáжём, едут, дак около ёвó так, в óбшэм, наклоняще, да и тут попеременку – дак ведь как вóйки тут! (в. – Получается как гул такой?) Да, гул. То, другоё, так как-то, знáёшь, даже смотреть это со стороны, дак даже кожу обдираёт, неудобно» (Брусенский, Пустыня, 735-04).

«Голос» похоронно-поминальных причитаний в нюксенской местности определяется как:

- голос, представляющий обрядовую ситуацию оплакивания покойного – «покóйничный голос» (Нюксенский, Нюксеница, 472-21); «на покóйнишный» голос (Дмитриевский, Побоищное, 498-22);
- некрасивый и страшный голос – «небаскóй голос» (Востровский, Востroe, 1638-33); «страшной мотив» (Бобровский, Бобровское, 1838-20);
- жалостливый голос, вызывающий слезы по умершему – «гóл'ос слезливой» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1642-02); «жáл'обный» голос (Бобровский, Бобровское, 1839-05), «жалобно» (Востровский, Заболотье, 470-46), «заунывно эдак причитают» (Городищенский, Городищна, 1136-25).

Согласно высказываниям деревенских жителей, причитания исполнялись:

- «пýлко»: «когда́ понесут-то, дак пýлко ведь кричишь» (Брусноволовский, Кокуево, 454-04); «Да ведь другие пылко-то прицитáют, да эдакие голосистые-те ведь дак!» (Уфтуогский, Мальчевская, 1273-52);
- «во всю голову», «скóко у тебя мóци есь» (Уфтуогский, Ивановская, 2256-19, Мальчевская, 1273-49); «А как прицитáли-то во всю-ту гол'овушку ведь – дак штё ты!» (Дмитриевский, Малая Сельменьга, 1632-06); «Прицитáли во всю голову: “Ой, тошнёшенькё...” – эдак вот» (Уфтуогский, Мальчевская, 1273-50);
- «громко, громко, громко» (Востровский, Востroe, 1392-12);

- протяжно: «шибко как протяжно» (Бобровский, Бобровское, 1838-20), «ростяжней» (Нюксенский, Нюксеница, 2433-17), «вот эдак всё-то и причитаю, розвожу эдак» (Востровский, Копылово, 1400-24), «нараспев» (Нюксенский, Нюксеница, 1373-17).

Подобным образом в нюксенской традиции характеризуется исполнительская сфера лирических песен раннего историко-стилевого слоя («дивья лирика») и частушек на «долгий голос».

Как отмечают местные жители, лирические («долгие») песни пели громко, «во всю голову» – «сколь силы есть, да ведь цётко», «во всю голову всё пíли, во всю голову» (Уфтугский), протяжно – «тянут ведь долго, вытягают-то», «вот это глáвноё-то натяженье-то и есть» (Городищенский) [2, с. 267-268].

Следует выделить такие музыкально-стилевые черты напевов причитаний и лирических песен, как ритмическая выделенность (протяженность) тонов в возгласной и кадансовой частях музыкально-ритмического периода, возможный нисходящий глиссандирующий сброс последнего звука, терцовая ячейка интонирования, наличие попевок плачево-повествовательного характера, высокая tessitura звучания, особая тембровая окраска (насыщенность) тонов. Это обусловлено, как отмечают исследователи (Г. В. Лобкова, И. В. Королькова), единым функциональным значением данных жанров, их коммуникативной природой [2, с. 261–268].

В числе особенностей исполнительского стиля причитаний следует отметить декламационность, подвижность ритмики – незначительные тоновые задержки и ускорения, глиссандирование, интонационные сбросы, озвучивание тонов в речевой позиции и др., что обусловлено эмоционально-обрядовым состоянием исполнителей, свидетельствует о непесенной природе данных форм (пример 1).

Время исполнения причитаний обусловлено обрядовой ситуацией, мастерством и психофизиологическим состоянием причитальщицы, а также необходимостью в полноценном причетном высказывании, что определяется выражением – «наревéл'ась дóсыта» (Востровский, Заболотье, 470-46).

Причитания как похоронные, так и поминальные сопровождались особой формой ритуального поведения – падение ниц, «хлóпанье», «хлестáние»: «У нас причитают: заревят, схлóпаютце – да и всё» (Дмитриевский, Красавино, 1630-01); «В другой раз все уж в ход наредíлисе, а она уж пала тут ко гробу, да и выговáиваэт» (Бобровский, Бобровское, 1839-07). Подобное поведение реализует представления о традиционных ритуальных нормах выражения почтительного отношения к умершим.

Многочисленными в нюксенской традиции являются сведения о том, что раньше практически каждая женщина могла причитать. Причтание

представительниц женского пола являлось традиционной нормой, необходимое умение возникало вместе с жизненной потребностью выразить свое горе при потере близкого человека: «по покойнику – дак што уж?! – это хто и не знает, дак заревйт, заприцитает» (Востровский, Леваш, 1834-34); «стánёшь ревйт, дак гóрё найдёт слов» (Дмитриевский, Побоищное, 498-22); «сáмо по себе оно тут насобираётце, цевó ревйт-то в горе-то» (Уфтуогский, Кокшенская, 1422-32).

Значимость исполнительской сферы причитаний определяется необходимостью установления обрядово-художественных отношений с умершими родителями, с целью обеспечения последующего жизненного благополучия представителей семейно-родового коллектива, деревенского социума в целом.

Литература:

1. Барсов, Е. В. О записях и изданиях «Причитаний Северного края», о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц / Е. В. Барсов // Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т.1. Похоронные причитанья. / подг. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – 501 с.
2. Лобкова, Г. В. Общая характеристика лирических песен / Г. В. Лобкова // Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / А. М. Мехнечев (рук. авт. колл.), Г. В. Лобкова, И. В. Королькова и др. – Вологда: Областной научно-методический центр культуры и повышения квалификации, 2005. – С. 261-268.

Пример 1. Похоронный причет в доме.

$\text{♩} = 192$

Ой, тош... нё-хонь-ко, да ты, си - за-я го - ду - бушка.

Ой... то-ш(и) нё-хонь-ко, да ты, близкия - я мо-я су - се - душка.

Ой. тош... нё-хонь-ко, да ты ку - ды со-би - ра - ишь-се?

Ой. то-ш(и) - нё-хонь-ко, да ты ку - ды на-ря - жа - ишь-се?

Ой... то-ш(и) - нё-хонь-ко, да не выйдёт мо-я Мит - рёвна.

Архив ЦТНК ВоГУ, ЭАФ № 454-05. Вологодская обл., Нюксенский р-н, Брусноволовский с\с, д. Кокуево. Исп.: Меледина Александра Ефимовна, 1920 г.р. (местная). Зап.: Получистова О. А., 26.01.1988. Расш.: Балуевская С. В.